

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Евгений Петрович Сергун

Доцент кафедры права, философии и социологии Горно-Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: e.p.sergun@gmail.com

Концептуальные основы предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации*

Аннотация: в статье затрагиваются актуальные проблемы предупреждения семейно-бытового насилия в Российской Федерации, а именно остающиеся нерешенными вопросы разработки научно-концептуального элемента правовой политики в отмеченной области. Констатируется, что законодатель недооценивает значимость идейных, тактико-стратегических моментов при создании соответствующего профилактического механизма. В результате юридические принципы, условно берущиеся за теоретическую основу противодействия насильственным семейным конфликтам, принимают формальное, ничем не подкрепленное значение, что, в частности, подтверждает проведенный автором анализ недавней резонансной законодательной инициативы. Утверждается, что реализация подобных законопроектов способна усугубить и без того неблагоприятную социальную обстановку.

Публикация призвана склонить парламентариев к переосмыслению законодательских подходов в обозначенной сфере правового регулирования и содержит некоторые соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейно-бытовая преступность, семейная криминология, профилактика семейно-бытового насилия, принципы противодействия домашнему насилию, правовая политика.

Evgenij Petrovich Sergun

Associate professor of the Department of law, philosophy and sociology of the Gorno-Altai State University, candidate of legal sciences

Conceptual Grounds for the Prevention of Household Violence in the Russian Federation

Annotation: the article touches upon some topical issues of prevention of the family domestic violence in the Russian Federation, namely the remaining unsolved issues of the development of scientific and conceptual elements of legal policy in the chosen area. It is stated that the legislator underestimates the importance of ideological, strategic and tactical moments in the establishment of an appropriate preventive mechanism. The resulting legal principles, conditionally undertaken as a theoretical basis for resisting the

* Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта РГНФ № 16-13-04002.

violent family conflicts, take their formal, unsubstantiated meaning, which in particular is proved by the conducted by the author analysis of a recent, high-profile legislative initiatives. It is argued that the implementation of such bills potentially can to exacerbate the already unfavourable social situation.

The publication is intended to persuade parliamentarians to rethink the legislative approaches in the designated area of legal regulation and contains some corresponding recommendations.

Keywords: *domestic violence, family household criminality, family criminology, prevention of family domestic violence, principles of resisting domestic violence, legal policy.*

В последние годы в Российской Федерации стала актуальной тематика, связанная с вопросами противодействия насилию на почве семейно-бытовых отношений. Так, по некоторым данным, ежегодно около 2 млн детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями; более 50 тыс. детей убегают из дома, спасаясь от жестокого обращения в семье; более 50 % бытовых преступлений совершается в присутствии детей. При этом 30–40 % всех тяжких насильственных преступлений происходит в семье; 70 % всех жертв тяжких насильственных посягательств составляют женщины и дети; около 70 % преступлений в сфере семейно-бытовых отношений совершается в состоянии алкогольного опьянения¹.

Подобная неутешительная статистика побуждает отечественного законодателя к поиску новаторских правовых и сопутствующих им организационных средств предупреждения домашнего насилия. Но, к сожалению, отдельными правотворцами упускается из виду масса факторов и обстоятельств, без учета которых невозможна выработка приемлемых и эффективных тактико-стратегических подходов к решению обозначенной проблемы.

28.09.2016 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (далее — Законопроект)². Однако до настоящего времени отмеченная законодательная инициатива не получила своей практической реализации. 01.11.2016 Законопроект был возвращен субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции РФ и Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в связи с чем получил статус архивного документа.

Во многом этому способствовала в целом отрицательная общественная оценка несостоявшегося федерального закона. Например, по мнению А. В. Швабауэр, Законопроект идет вразрез с принципами семейного права³. Как заключил К. В. Чепрасов, «...подобные непрофессиональные законодательные

¹ См., напр.: Кокорева Н. Н., Волков П. А. Актуальные проблемы профилактики семейно-бытовой преступности // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4. С. 200.

² См.: Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. URL : [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1183390-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1183390-6) (дата обращения: 22.10.2017).

³ См.: Швабауэр А. В. Кому нужны законы, противоречащие Конституции и Семейному кодексу РФ? // Информационное агентство REGNUM : сайт. URL : <https://regnum.ru/news/2193134.html> (дата обращения: 22.10.2017).

инициативы крайне негативно влияют на правосознание и правовую культуру российского общества... В то же время такая ситуация вызвана во многом отсутствием четкой стратегии семейной политики в России, излишним вниманием, которое уделяется частью истеблишмента западным законодательным концептам»¹.

Действительно, говоря об идейных основах предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации, следует констатировать их доктринальную неопределенность, а также то, что парламентарии стремятся поспешно перейти к законотворческому элементу профильной правовой политики, не уделив должного внимания ее концептуальной составляющей. Достаточно обратиться к ст. 4 «Принципы профилактики бытового насилия» Законопроекта, как становится понятно, что никаких прогрессивных (на фоне принципов действующего механизма предупреждения преступлений и правонарушений), предметных и конструктивных юридических взглядов на содержание предполагаемой профилактики семейно-бытового насилия в ней не раскрывается.

1. *Законность* (п. 1 ст. 4 Законопроекта). Бесспорно, относится к числу важнейших общеправовых принципов. Однако апелляция к нему в процессе официального обсуждения тех или иных законодательных инициатив от случая к случаю принимает формальный характер. Иными словами, его фигурирование при определении исходных начал (принципов) той или иной деятельности государства иногда объясняется лишь тем, что оно стало данью правотворческой традиции. Рассматриваемый Законопроект — очередное доказательство неголословности такого утверждения.

Складывается впечатление, что у инициаторов имеются собственные представления о законности, отличные от ее общепринятой юридической интерпретации. Так, Законопроект не только изобилует субъективно-оценочными и некорректными с позиций юридической техники дефинициями понятий (причем являющихся в сущности правоограничительными категориями, как, например, «психологическое насилие», «семейно-бытовой нарушитель», «семейно-бытовое дебоширство» и др.), но и устанавливает процедуру специфического государственного принуждения неясной правоотраслевой принадлежности, правомерность которого вызывает сомнения в контексте положения о «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» (ч. 1 ст. 1 «Основные начала семейного законодательства» Семейного кодекса РФ).

2. *Соблюдение и защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина* (п. 2 ст. 4 Законопроекта). Очередной провозглашенный фундаментальный принцип, не обеспечивающийся содержанием Законопроекта.

Несмотря на тот факт, что базовым пакетом прав обладают даже осужденные (ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ), правотворцы выставили юридически незащищенным так называемого «семейно-бытового

¹ *Чепрасов К. В.* Законодательство о семейно-бытовом насилии в контексте конституционно-правовых вопросов неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XV Междунар. науч.-практ. конференции (г. Барнаул, 3 февраля 2017 г.) / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул, 2017. № 15-1. С. 232.

нарушителя», т. е. «лицо, совершившее семейно-бытовое насилие» (п. 8 ст. 3 Законопроекта), под определение которого подпадает, например, лицо, угрожающее родственникам супруги (супруга) применением насилия в отношении их домашнего животного (п. 5 ст. 3 Законопроекта).

В соответствии со ст. 5 Законопроекта «семейно-бытовой нарушитель» не обладает правом на защиту, которым вместе с тем наделяется даже некий «работник организации социального обслуживания». О «семейно-бытовых дебоширах» в ней просто не упоминается. В ст. 6 излагается перечень прав только «пострадавшего», т. е. «физического лица, которому семейно-бытовым насилием причинен моральный, физический и (или) имущественный вред либо нарушены его права, свободы или законные интересы» (п. 1 ст. 3 Законопроекта). Сотрудник полиции обязан обеспечивать безопасность лишь «лица, сообщившего о совершении семейно-бытового насилия» (п. 7 ст. 11). За «семейно-бытовым нарушителем» сохраняется разве что пассивное право на обжалование применяемых в отношении него мер принуждения (в частности, вынесенного в отношении него «защитного предписания» согласно п. 12 ст. 22).

3. *Гуманизм* (п. 3 ст. 4 Законопроекта). Во-первых, как заметил А. И. Бойко, правильнее говорить «принцип гуманности»¹. Во-вторых, вся правотворческая «человечность» в данном случае проявляется в излишней драматизации и утрировании положения «пострадавших» от «семейно-бытового насилия» (п. 2 ст. 3 Законопроекта). Законодательная инициатива отражает черно-белое видение мира и совершенно слепа к частным обстоятельствам, послужившим причинами конкретных внутрисемейных конфликтов, выразившихся в применении общественно неопасных форм физического или иных видов насилия.

4. *Поддержка и сохранение семьи* (п. 4 ст. 4 Законопроекта) — немало-важный принцип, имеющий как конституционно-правовую, так и семейно-отраслевую принадлежность. Вместе с тем осуществление отмеченных социальных ожиданий не гарантируется Законопроектом. Напротив, реализация его положений, на наш взгляд, способна дискредитировать социально-правовой институт семьи, как в результате неаргументированного расширения перечня юридических оснований для вмешательства государства и общества в частные внутрисемейные дела, так и в результате параллельного увеличения числа императивных обязанностей субъектов семейно-брачных правоотношений. Никакого криминологического прогнозирования анализируемой законодательной инициативе не предшествовало.

5. *Соблюдение конфиденциальности в целях защиты неприкосновенности частной жизни* (п. 5 ст. 4 Законопроекта). В возможность практического воплощения этого принципа верится с трудом, поскольку Законопроект как эксплицитно, так и имплицитно вовлекает в профилактику семейно-бытового насилия чрезмерное количество субъектов, наделяя их соответствующими контрольными функциями. Среди таковых называются, к примеру, «некоммерческие организации, осуществляющие уставную деятельность

¹ См.: Бойко А. И. Язык уголовного закона и его понимание. М., 2010. С. 66.

в сфере профилактики семейно-бытового насилия» (ст. 15). При этом Законопроект не устанавливает каких-либо требований по отношению к ним или условий их деятельности касательно обеспечения неприкосновенности частной жизни.

6. *Приоритет превентивных мер профилактики семейно-бытового насилия над репрессивными* (п. 6 ст. 4 Законопроекта). Следует заметить, что словосочетание «превентивные меры профилактики» в криминологическом осмыслении является неудачным, поскольку «профилактика» и «превенция» — синонимичные термины. Причем, по нашей оценке, Законопроект посвящен не столько профилактике семейно-бытовых конфликтов, сколько предотвращению совершения насильственных деяний конкретными лицами, поступки которых оказались predetermined общими процессами детерминации девиантного поведения. Иными словами, речь идет преимущественно о работе с «неустойчивыми» семьянинами, т. е. с последствиями неблагоприятного воздействия на отдельные ячейки общества целого спектра политических, экономических, социально-психологических, культурно-нравственных и прочих проблем, присущих нашему государству. Поэтому считаем, что никакого значимого вклада в предупреждение домашнего насилия Законопроект внести не способен.

Кроме того, формулировка «репрессивные меры» в контексте главной идеи укрепления семейно-брачных отношений, содействия их благополучию, повышения социального имиджа семьи и т. д. выглядит по меньшей мере странно. Близкий по значению принцип «экономии уголовной репрессии» выделяется только в уголовном судопроизводстве, которое, однако, не относится (и не может относиться) к предмету правового регулирования Законопроекта.

7. *Комплексность и системность* (п. 7 ст. 4 Законопроекта). В данном случае остается догадываться о том, что именно подразумевали авторы Законопроекта. Полагаем, с научных соображений под этими принципами можно понимать наличие закрепленных в законе полного и классифицированного (упорядоченного) перечня экономических, организационно-управленческих, идейно-нравственных, социально-психологических, политико-правовых и иных мер, направленных на нейтрализацию как внутрисемейных, так и внесемейных причин и условий домашнего насилия, а также исчерпывающего определения круга специализированных и неспециализированных субъектов, наделенных компетенцией по его предупреждению.

Нельзя сказать, что законодатель не предпринял попытки закрепления таких положений. Вместе с тем Законопроект остается пробельным, лишенным многих обеспечительных правовых норм, а описанный в нем механизм профилактики семейно-бытового насилия, например, в части «выявления факторов семейно-бытового насилия» (п. 1 ч. 3 ст. 16) и вовсе носит декларативный характер.

8. *Равный, свободный доступ граждан к мерам профилактики и социально-правовой защите от семейно-бытового насилия вне зависимости от их пола, расы, возраста, национальности, языка, происхождения, места жительства, места пребывания, отношения к религии, убеждений*

и принадлежности к общественным объединениям (п. 8 ст. 4 Законопроекта). Названный принцип является производным по отношению к основополагающему началу, изложенному в ст. 19 Конституции РФ, и, констатируя очевидный факт, не отражает специфики регулируемой Законопроектом сферы общественных отношений.

Таким образом, принципы, закрепленные в ст. 4 Законопроекта, не аккумулируют ключевые характеристики научно-концептуального элемента эффективной государственной политики по предупреждению домашнего насилия. Полагаем, сказанное банально объясняется их доктринальной непроработанностью. По данному поводу дадим законодателю некоторые наводящие рекомендации, базирующиеся на личном научном опыте.

Во-первых, в широком смысле профилактика семейно-бытового насилия должна сводиться к предупреждению насильственных преступлений и, факультативно, отдельных составов смежных административных правонарушений (при их наличии), совершаемых на почве семейно-бытовых конфликтов. Факт учинения близкими лицами в отношении друг друга иных «насильственных» (в представлении разработчиков Законопроекта) действий, не предусмотренных уголовным и административным законодательством, не может выступать юридическим основанием для вторжения государства в область семейно-брачных отношений.

Во-вторых, субъектами предупреждения семейно-бытового насилия в рамках установленной федеральным законодательством компетенции должны являться исключительно правоохранительные и, возможно, иные специализированные государственные органы и учреждения. Другие формы контроля над частной сферой семейно-брачных отношений (негосударственный, общественный и т. п.) представляются недопустимыми.

В-третьих, в рамках индивидуального предупреждения домашнего насилия приоритетной должна быть профилактическая работа с так называемыми членами «неблагополучных семей» (алкоголиками-тунеядцами, наркоманами, прочими лицами, ведущими асоциальный образ жизни), которая должна носить преимущественно медицинский и ресоциализирующий, а не карательный характер (при отсутствии в действиях «дебошира» признаков преступления). Целесообразно также ввести криминологические критерии идентификации семьи как «неблагополучной».

В-четвертых, повышенное внимание должно уделяться охране законных прав и свобод лиц, находящихся в беспомощном состоянии (прежде всего в силу возраста и болезни), проживающих в «неблагополучных семьях». Примечательно, что Законопроект не имеет прямого отношения к защите несовершеннолетних.

В-пятых, необходимо учитывать тот факт, что главные процессы детерминации домашнего насилия протекают не в конкретных «неустойчивых» семьях, а вне их — в самом обществе. Они кроются в его современных недостатках. Семья является лишь социальной средой, в которой получают выражение негативные эмоции и помыслы, сформировавшиеся под влиянием типичных причин и условий правонарушаемости в Российской Федерации. Исключение составляют разве что психопатологии, которые, впрочем, опять-таки нередко

вызываются внешними факторами. Поэтому принятие закона в обсуждаемой области, не предусматривающего инновационного организационно-правового механизма общепредупредительного содержания (описывающего в том числе действенные способы повышения правовой культуры и правосознания граждан), окажется в лучшем случае безрезультативным, а в худшем – ущербным для социума.

Безусловно, изложенные предложения могут показаться дискуссионными и нуждающимися в последующем научно-практическом обосновании. Ведь одним росчерком пера проблемы предупреждения домашнего насилия в Российской Федерации не разрешить. Нужна взвешенная, объективная, рациональная политика государства, основанная в первую очередь на старейшем принципе медицинской этики *primum non nocere* (лат. – «прежде всего – не навреди»).

Пристатейный библиографический список

1. Бойко, А. И. Язык уголовного закона и его понимание / А. И. Бойко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 320 с.

2. Кокорева, Н. Н. Актуальные проблемы профилактики семейно-бытовой преступности / Н. Н. Кокорева, П. А. Волков // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 4. – С. 199–203.

3. О профилактике семейно-бытового насилия : законопроект № 1183390-6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : сайт. – URL : [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1183390-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1183390-6) (дата обращения: 22.10.2017).

4. Чепрасов, К. В. Законодательство о семейно-бытовом насилии в контексте конституционно-правовых вопросов неприкосновенности частной жизни // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XV Междунар. науч.-практ. конференции (г. Барнаул, 3 февраля 2017 г.) / под ред. Ю. В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юрид. институт МВД России, 2017. – № 15-1. – С. 231–233.

5. Швабауэр, А. В. Кому нужны законы, противоречащие Конституции и Семейному кодексу РФ? // Информационное агентство REGNUM : сайт. – URL : <https://regnum.ru/news/2193134.html> (дата обращения: 22.10.2017).

References

1. Bojko, A. I. Jazyk ugodovno go zakona i ego ponimanie [Language of criminal law and its comprehension] / A. I. Bojko. – M.: Jurlitinform, 2010. – 320 p.

2. Cheprasov, K. V. Zakonodatel'stvo o semejno-bytovom nasilii v kontekste konstitucionno-pravovyh voprosov neprikosnovennosti chastnoj zhizni [Legislation on a family-domestic violence in the context of constitutional-legal issues of privacy] // Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami : materialy XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii (g. Barnaul, 3 fevralja 2017 g.) / pod red. Ju. V. Anohina. – Barnaul : Barnaul'skij jurid. institut MVD Rossii, 2017. – No. 15-1. – P. 231–233.

3. Kokoreva, N. N. Aktual'nye problemy profilaktiki semejno-bytovoj prestupnosti [Actual problems of a family-domestic crime prevention] / N. N. Kokoreva, P. A. Volkov // Leningradskij juridicheskij zhurnal. – 2016. – No. 4. – P. 199–203.

4. O profilaktike semejno-bytovogo nasilija : zakonoproekt № 1183390-6 [On the prevention of domestic violence: bill No. 1183390-6] // Gosudarstvennaja Duma Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii: sajt. – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1183390-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1183390-6) (access date: 22.10.2017).

5. Schwaabauer, A. V. Komu nuzhny zakony, protivorechashhie Konstitucii i Semejnomu kodeksu RF? [Who needs laws that contradict the Constitution and the Family code of the Russian Federation?] // Informacionnoe agentstvo REGNUM: site. – URL: <https://regnum.ru/news/2193134.html> (access date: 22.10.2017).